

обычная в таких случаях непоследовательность текста. Аллегорические толкования опущены здесь, но не все и не полностью: рассказ об орле кончается у Ефросина, как и в других редакциях Палеи, аллегорией (орел — Иисус Христос);¹⁰¹ таким же аллегорическим толкованием сопровождается и рассказ о уране и голубе, посланных Ноем из ковчега,¹⁰² и другие рассказы. В чем же смысл такой обработки? Вопрос этот важен независимо от того, была ли эта обработка произведена самим Ефросином или он воспользовался уже сложившейся редакцией такого характера (для восстановления литературной истории Палеи Ефросина необходимо специальное исследование с привлечением всей совокупности списков). Не следует ли видеть в таком систематическом удалении богословской, и в частности противоиудейской, полемики проявление определенной идеологической тенденции? Для Н. С. Тихонравова, как мы знаем, было достаточно одного факта включения талмудических легенд во вторую редакцию Палеи, чтобы связать эти редакцию с ересью «жидовствующих». В ефросиновскую редакцию Палеи не только полностью включены, да еще в ее начальную часть, те же самые талмудические легенды о Соломоне, — там исключены одновременно почти все обличения «жидовина», которые составляют, в сущности, сюжетную и идеологическую основу этого памятника. Если учесть, что редакция читается в сборниках того же самого Ефросина, где дважды помещены «псалмы Феодора», казавшиеся исследователям несомненным произведением «жидовствующих», то предположение о еретичестве Ефросина покажется чрезвычайно заманчивым.

Едва ли, однако, это предположение будет правильным. Связь еретического движения конца XV в. с «псалмами Феодора», как и вообще с переводной еврейской литературой того времени (за исключением «Шестокрыла» и, возможно, «Логики» Маймонида), весьма сомнительна; нам представляется, что «Псалтырь» Феодора, как и сообщается в предисловии к этому памятнику, помещенном в одном из ефросиновских сборников,¹⁰³ действительно была переведена Феодором «здоровьем государя своего великого князя Ивана Васильевича всея Руси и благословением и приказанием святого Филипа митрополита всея Руси».¹⁰⁴

Побуждения Ефросина, поместившего этот памятник в двух своих сборниках, были так же просты, как и побуждения великого князя и митрополита, приказавшего его перевести: их интересовало сочинение, столь схожее по форме с привычной им Псалтырью, но вместе с тем новое и прежде неизвестное. Никаких черт «жидовства» не обнаруживаем мы и в других текстах ефросиновских сборников. В составе Палеи здесь сохранились, хотя и в значительно сокращенном виде, обличения «жидовина».¹⁰⁵ Противоиудейские сочинения («Стязание ... о вере христианстей

сокращения «ничего мудреного» не составляло, признал первоначальным рассказ Толковой Палеи (А. Карнеев. К вопросу о взаимных отношениях Толковой Палеи и Златой Матицы. — ЖМНП, 1900, февраль, стр. 337—346). Тексты о животных у Ефросина отличаются от рассказов «Матицы» (ср. окончания рассказов о «згугле» и о «мюроме»: КБ-11, л. 277; Погод. 1024, л. 194); они генетически не связаны между собой, и оба восходят к Толковой Палее (у Ефросина они и композиционно являются частью Палеи).

¹⁰¹ КБ-11, л. 296 об.; ср.: Палея Коломенская, стлб. 371—373; Толковая Палея, лл. 139—141.

¹⁰² КБ-11, лл. 284 об.—286 об.; ср.: Палея Коломенская, стлб. 209—215; Толковая Палея, л. 60—61 об.

¹⁰³ КБ-6, л. 276 об.; М. Н. Сперанский. Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора еврея, стр. 72.

¹⁰⁴ Ср.: Н. А. Казакья и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, стр. 84—86

¹⁰⁵ Ср., например: КБ-11, лл. 285—285 об., 293—293 об., 301 об., 305